

*Автор выражает
признательность за оказанную
помощь Олегу Владимировичу
Шакотько, оперуполномоченному
ОВД Северное Бутово
УВД ЮЗАО г. Москвы,
Вере Романовне Тринько, врачу
высшей категории, сотруднику
Института аллергологии
и клинической иммунологии*

Когда долго живешь на одном месте, в одной и той же комнате и видишь одних и тех же людей, которых сам выбрал себе в друзья, то мир кажется очень простым. Но едва выедешь из дому — все делается чересчур уж разнообразным.

Евгений Шварц. Тень

ГЛАВА 1

— Ладно, заходите. Что с вами поделаешь? — вздохнула девица, открывшая дверь квартиры номер девятнадцать. — А у вас дома есть животные? Ну, там, кошка или собака?

У нее были пытливые зеленые глаза, которые притягивали к себе взгляд и мешали рассмотреть все остальное. Впрочем, Стас Половцев все-таки успел заметить, что «все остальное» выглядит весьма неплохо.

— Нет, — ответил он. Вопрос был странным, но он решил не обращать внимания. — Ни кошек, ни собак у меня нет. Тараканы есть, врать не стану. Но я их специально не прикармливаю,

поэтому не знаю, можно ли считать их домашними животными. А что, это важно?

— Да, важно, — язвительно ответила девушка. — Для Сильвестра Семеновича очень важно.

От ее тона у обычного человека наверняка засосало бы под ложечкой. Стас только ухмыльнулся.

Она позволила старшему лейтенанту войти в коридор и велела подождать. Развернулась на сто восемьдесят градусов, прошлепала босыми ногами по линолеуму и скрылась за углом. Тонкие лодыжки и розовые пятки некоторое время стояли перед его мысленным взором. Еще предстоит выяснить, кто она такая, эта зеленоглазая. Официально здесь прописан только Сильвестр Бессонов, сорокалетний холостяк, о котором местный участковый не мог сказать ничего определенного. Пока соседи не порассказали много чего.

Портрет получился не слишком привлекательный. По их словам выходило, что этот самый Сильвестр весьма неприятный тип. Неприветливый и циничный. Дружбу с соседями не водит, в квартиру к себе никого не пускает, да и сам показывается чрезвычайно редко. Однако, коль скоро неподалеку от лестничной площадки, куда выходила дверь и этой квартиры тоже, прямо на ступеньках, обнаружили труп, Стасу необходимо было поговорить со всеми жильцами без исключения. В том числе и с неприветливыми.

Он переступил с ноги на ногу и почувствовал, как под подошвами чавкнуло. Посмотрел вниз и увидел, что стоит на большом коврикe, застеленном мокрой тряпкой. Тряпка была яр-

ко-розовая, девственно-чистая и напоминала вещи, в которые одевают младенцев. Его ботинки оставили на ней некрасивые рифленые следы. Стас неопределенно хмыкнул и тут услышал приглушенный мужской голос. В голосе ощущалось неподдельное раздражение.

— Ты что, разрешила ему войти в квартиру?!

— Это оперативник из службы криминальной милиции, — шепотом ответила девица. — Он показал удостоверение. Если я его не пушу, он отправится за подкреплением.

Стас снова хмыкнул, рассчитывая, что его услышат. Одновременно он оглядывался по сторонам, пытаясь составить впечатление о квартире. Вернее, о коридоре, который был длинным, широким и практически пустым. Кроме двух ламп на потолке, привинченного к стене зеркала и узкого шкафа здесь была только невысокая тумбочка, на которой лежал женский зонт. Ни расчески, ни флакона туалетной воды, ни квитанции за квартиру, прижатой связкой ключей, — ничего такого не наблюдалось. «Педант проклятый», — подумал Стас неприязненно. В его понимании слово «педант» имело ярко выраженный ругательный оттенок. Педантом они с ребятами называли Сашку Бутова. У Саши в шкафу был припрятан старый носок, которым он время от времени протирал свой рабочий стол.

— Он врет, что у него нет домашних животных, — не сдавался между тем противный Сильвестр. — Я даже отсюда чувствую, как от этого оперативника несет псиной.

— Мне кажется, это его собственный запах, — мрачно заметила девица.

Стас опустил голову и понюхал свою рубаш-

ку, черную и довольно мятую. Он не помнил, когда эта вещь в последний раз побывала в стирке. Забавно, на что люди обращают внимание.

Он уже терял терпение и готов был подать голос, чтобы прервать дурацкое перешептывание, но тут раздалась шага, и в конце коридора возник Сильвестр Семенович собственной персоной. Стас ожидал увидеть нечто тощее, сутулое и очкастое, облаченное в тренировочные штаны и замшевые тапки, однако расчеты его не оправдались. Бессонов оказался подтянутым и широкоплечим, а одет был в светлые брюки и футболку. Еще он мог похвастать королевской осанкой, из-за которой казался выше, чем был на самом деле. «Примерно метр семьдесят пять, — прикинул Стас. — Под восемьдесят килограммов. Если схватимся, я его, конечно, завалю. Хотя это будет и непросто».

Вряд ли Сильвестр когда-нибудь жаловался на свою внешность. Высокий лоб, широкие скулы и прекрасный рот — нижняя губа прямая, а верхняя причудливо вырезана. Подбородок словно намеренно утяжелен с целью придать всему облику основательность. Однако глаза всю эту красоту решительно перечеркивали. В них было столько яда, иронии и дерзости, что хотелось немедленно принять вызов.

Складывалось впечатление, что господь бог создавал лидера, образец для подражания, эталон, наградил этот эталон выразительными чертами, красиво насадил голову на плечи, а потом взял и испортил ему характер. Пошутил, одним словом.

— Бессонов, — коротко представился Сильвестр. — Полагаю, вы насчет труп.

— Точно, — подтвердил Стас, решив во что бы то ни стало расположить к себе девушку, которая вышла вперед и теперь загоразивала собой хозяина дома с таким видом, словно защищала котенка. — А вы, девушка... Вы здесь в гостях? — спросил он.

Пусть лучше сама все расскажет. Еще до того, как он перепишет ее паспортные данные. Может быть, не стоило называть ее девушкой? На его взгляд, ей лет двадцать пять. А может быть, и все тридцать. Несмотря на опыт, возраст современных девиц, которые активно изводили морщины и укрепляли задницы, Стас угадывал не всегда.

— Майя Долинина, — представилась она. — Я помогаю Сильвестру Семеновичу.

Помогает она... Знаем мы, как они помогают. С такой-то фигурой...

— По хозяйству? — уточнил Стас. — Или по работе?

— По жизни, — коротко ответил Бессонов и пошевелил ноздрями. — Слушайте, что за дрянь вы курите?

Нос у него был крупный, с широкими ноздрями — трепетными, как у животного, которому нюх помогает выжить.

— Какая разница, — невежливо ответил Стас. — У вас ведь все равно курить нельзя.

Он даже не спрашивал, а утверждал. Человек, у которого перед дверью лежит розовая тряпка, вряд ли позволит ему поднять даже на кухне. Стас с раскаянием вспомнил, что вчера ночью у себя дома засовывал окурки в стакан с остатками пива. Теперь занавески наверняка будут вонять мокрыми окурками. И хлеб, который

он оставил на столе, тоже будет вонять. Все будет вонять мокрыми окурками.

Сильвестр тем временем коротко предложил:

— Проходите. Хотите водки?

— Я на службе, — неприязненно ответил Стас.

— Тогда я налью вам чаю.

Пить чай в такую жару казалось Стасу идиотизмом. Впрочем, он вполне мог опрокинуть чашечку — в интересах дела. Девица, то есть Майя Долинина, смотрела на него из-под острых ресниц с некоторой опаской. Как будто он мог неожиданно выкинуть какой-нибудь фортель.

— Да, я хочу чаю, — агрессивно заявил Половцев и протиснулся на кухню, опередив хозяина.

На кухне было так чисто, будто здесь орудовал целый взвод Золушек. Кастрюли стояли «по росту», подвешенные за ушки сковородки блестели маленькими солнышками, полотенце расправлено на перекладине, подобно стягу небольшого, но гордого корабля. На белый, как кусок пломбира, холодильник было больно смотреть. Впрочем, имелась здесь одна вещь, которая не вписывалась в интерьер и сразу бросалась в глаза. Станный агрегат на подоконнике, от которого к розетке тянулся толстый шнур. Агрегат гудел.

— А это что у вас такое? — тотчас спросил бдительный старший лейтенант.

— Очиститель воздуха, — ответила Майя. — У Сильвестра Семеновича аллергия на домашнюю пыль. Ему приходится быть очень осторожным, чтобы не спровоцировать приступ.

— Вы поэтому спрашивали меня про живот-

ных? — сообразил Стас. Обернулся к хозяину и уточнил: — У вас и на шерсть аллергия?

— Это имеет какое-то отношение к убийству? — холодно парировал Сильвестр.

Стас Половцев оперся руками о стол и осторожно сел. Как будто резкое движение могло спугнуть только что произнесенную фразу. А та возьмет, выпорхнет в форточку и растворится в пространстве.

— Почему вы решили, что это было убийство? — спокойно уточнил он, донеся зад до табуретки и благополучно утвердившись на ней.

По правде сказать, все выглядело как настоящий несчастный случай. Труп лежал на лестнице весьма мирно — ногами вниз, так, будто мужчина спускался на первый этаж пешком. Рядом валялась раздавленная банановая кожура — темно-желтая, с коричневыми крапинками. К подошве правого башмака жертвы прилипла янтарная банановая мякоть. Вероятно, бедняга наступил на банановую шкурку, упал и очень неудачно приземлился черепушкой на ребро ступеньки. Фатальное невезение.

— Почему вы решили, что это убийство? — Стас посмотрел Бессонову прямо в лицо.

Может быть, у кого-то глаза и являются зеркалом души. Однако у этого типа вместо зеркала была пучина. Даже легкой ряби не появилось на поверхности.

— Полагаете, это я его кокнул? — криво улыбнулся Сильвестр. Поставил перед старшим лейтенантом обещанную чашку чая и уселся напротив.

Майя остановилась в дверях, сцепив руки в замок. Стас посмотрел на нее пристально. Не-

высокая и стройная, производит впечатление человека, крепко стоящего на ногах. Глаза, как он уже заметил раньше, отчаянно зеленые. Еще у нее был большой рот с родинкой над верхней губой и волосы до плеч, весело завивавшиеся на концах. Завершал картину курносый, воинственно вздернутый нос, выданный, вероятно, в придачу к бойкому характеру.

Стас любил высоких глянцевого цвета женщин с томными манерами. Запахом их духов были отмечены лучшие дни его жизни. Но теперь он должен был признать, что зеленоглазая произвела на него сильное впечатление. Впрочем, по его лицу нельзя было ни о чем догадаться.

Небритое и помятое, оно могло бы привлечь даму, пожалуй, только энергией. Однако сегодня был плохой день, энергия отсутствовала, а глаза напоминали глаза селедки, залежавшейся в рассоле.

— Я видел тело, — признался между тем Сильвестр. — Полагаю, это типичный криминальный фокус. Убийство, замаскированное под самоубийство.

Он разговаривал низким голосом. Но на вкус Стаса, обертон был какой-то слишком уж скрипучий. Пожалуй, такой голос ни с чем не спутаешь.

— При удачном для преступника стечении обстоятельств, — продолжал между тем его обладатель, — следов борьбы на теле не обнаружится. Вероятно, тут сыграл роль фактор внезапности. Вряд ли этот парень ожидал нападения на лестнице. Кстати, вы уже выяснили, кто он такой? Ну, тот, кто умер?

— Его фамилия Фофанов, — без колебаний

сообщил Стас. — Андрей Фофанов. Никогда не слышали?

— Нет. — Его собеседник пожал плечами и обернулся к Майе. Та молча покачала головой. Дескать, тоже не слышала.

— Когда мы его нашли, он уже не дышал, — неожиданно добавила она. — Не слишком приятное зрелище.

— Так это вы его нашли? — Стас подобрался на своей табуретке и высоко поднял брови. — Интересно. А по моей информации, его обнаружил ваш сосед из двадцатой квартиры.

Старший лейтенант достал из кармана маленький блокнот, основательно послунывил палец, перелистнул несколько страниц и зачитал:

— Иван Петрович Чепукин.

— Некоторым нравится быть в центре внимания, — повел бровью Сильвестр. Бровь была довольно лохматой и, как и челка, не желала лежать прямо. — Вчера мне пришлось выйти из дома. По делам. На обратном пути я наткнулся на труп. Вернее, мы наткнулись, — поправился он, зыркнув в сторону своей помощницы.

— Ходите пешком на шестой этаж. Это вы так тренируетесь, что ли? — уточнил Стас, сообразив, что напал на золотую жилу.

— Приходится ходить, — сварливо проговорил Сильвестр. — В лифте то и дело ездит всякая дрянь.

— Он имеет в виду собак, — подсказала Майя, решив, что, если старший лейтенант пользовался лифтом, он может обидеться.

— Разве ты работаешь у меня переводчицей? — не оборачиваясь, спросил ее босс.

В ответ Майя только фыркнула. Было непохоже, что замечание ее хоть как-то задело.

— Вы трогали тело? — задал следующий вопрос Стас, глядя на Бессонова в упор.

— Нет.

— Но ведь с лету нельзя было определить, труп перед вами или не труп. Пульс-то наверняка щупали.

— Не щупал. Только наклонился пониже, чтобы послушать дыхание.

— Вот если бы Чепукин его нашел, — встряла Майя, — уж он бы все пощупал. Поэтому вам радоваться надо, что это был именно Сильвестр Семенович.

— Я ужасно радуюсь, — заметил Стас, не отрывая взгляда от своего визави.

— Полагаю, вы силитесь понять, почему я решил, что вашего Фофанова убили?

Стас хотел было возразить, что это вовсе не «его Фофанов». Ему вообще не нравился менторский тон, который он обычно пресекал коротким ударом справа. Однако в данном случае выгоднее было промолчать, и он только хрюкнул, сделав большой глоток чая. Чай, кстати, был светло-желтый и горький. Гадость, а не чай. Даже странно, если учесть, что хозяин доставал его из очень красивой коробки. По всей видимости, это дорогая гадость.

Приняв молчание за знак согласия, Сильвестр между тем продолжал:

— На его лице я заметил следы побелки. А точнее, на правой скуле и на лбу под волосами.

— Представьте, что вы теряете равновесие на лестнице, — парировал Стас. — Хватаетесь рука-

ми за что попало. Стены в подъезде покрашены до половины, дальше все побелено. Вот он и...

— Я осмотрел его руки. На них не было и следа побелки.

— И что это, по-вашему, значит? — воинственно спросил лейтенант.

— Это значит, что убийца опирался рукой о стену и испачкался. Потом он сильно толкнул свою жертву. И сделал это вот так.

Сильвестр растопырил пальцы и приблизил их к самому носу оперативника. Как будто хотел положить раскрытую ладонь на его лицо. Тот даже не шевельнулся.

— Представляете, — продолжал Бессонов, — вы падаете с высоты собственного роста головой на бетонное ребро ступеньки.

— Очень хорошо представляю. Но это всего лишь ваши домыслы. Фофанова мог испачкать вовсе не убийца. Может быть, парень сам испачкался, когда только вошел в подъезд, потом достал платок, вытер руки и пошел дальше. А на лестнице лежала банановая кожура...

— Она там не лежала, — перебил его Сильвестр. — В том-то все и дело. Я думаю, преступник принес ее с собой. Сначала он убил Фофанова, разбив ему голову о ступеньку, и уже потом раздавил кожуру на каблуке его ботинка.

— Да с чего вы взяли?! — неожиданно для себя рассердился Стас.

Конечно, он тоже считал, что тут никакой не несчастный случай. Но в его распоряжении была интуиция, опиравшаяся на приличный опыт оперативной работы. А этот интеллигентшишка сидит, сложив пальцы домиком, и профессор-